

САДЕГ ХЕДАЯТ – ТРИ КАПЛИ КРОВИ

Вчера меня переселили в отдельную палату. Разве не говорил мне Инспектор, что я совершенно излечился, и через неделю меня отпустят? Разве я был болен? Уже целый год, как я ни просил, мне не давали перо и бумагу. Я всегда себе представлял, что как только я получу в руки перо и бумагу, уж я такого напишу... Но вчера, без напоминания, мне принесли перо и бумагу. Вот на что я так надеялся, вот чего я так ждал...! Но что толку – со вчерашнего дня много я передумал, но так и не нашел, о чем написать. Как будто кто-то взял меня за руки, или они у меня отнялись. А сейчас, среди беспорядочных записей на листке, только одно я и смог прочитать: «Три капли крови».

.....

Небо было лазурным, сады зеленели и цветы распускались на холмах. Легкий ветерок доносил ароматы цветов. Ну и что? Я уже ни от чего не мог получить удовольствия, всё это для поэтов, детей и людей, которые до конца жизни хотят остаться детьми. – Уже год, как я здесь, по ночам до утра не сплю от кошачьих воплей, этот зловещий вой, эти сиплые глотки надоедали, а утром мои глаза могла открыть только небрежная инъекция! Как долго тянутся здесь тоскливые часы и дни; в желтых рубашках и штанах, летними днями мы собираемся под землей, а зимой нежимся на солнце возле сада. Уже год, как я живу среди этих странных и чужих людей. Никакой платы за это не берут, я отличаюсь от них, как небо от земли, но стоны, молчание, брань, плач, смех этих людей навсегда останутся в моих кошмарных снах.

.....

Остался еще час до того, как мы пойдем ужинать, все та же еда, как под копирку: чечевичный суп с йогуртом, рисовый пудинг, рис, лепешки с сыром, - бессмертное меню. – У Хасана всегда заветное желание – съесть кастрюлю супа с мукою, луком и яйцом и хлеба на четверых. Когда его отпустят, ему вместо бумаги и пера должны будут принести кастрюлю с супом. Он здесь один из счастливчиков, низенький, с дурацким смехом и толстой шеей, лысой головой и руками в цыпках, которые словно были созданы для черной работы. Если Мохаммад-Али не оставался на обед и ужин, то Хасан ото всех нас отделялся. Но Мохаммад-Али тоже один из людей этого мира, потому то, что бы ни говорили, а здесь другой мир, отличный от того, снаружи, мира обычных людей. Есть у нас тут один всемогущий доктор, был бы я на его месте, я бы однажды вечером всем подсыпал яду в ужин. Однажды я стоял утром в саду, руки на поясе, смотрел, как увозят мертвецов – когда-нибудь и меня увезут, не приведи Господи, еще ядом накормят. Я не притрагивался к обеду и ужину, пока их не попробует Мохаммад-Али, а по ночам просыпался в испуге с мыслью, что уже пришли меня увозить. Всё это угнетало. Всегда одни и те же люди, одна и та же еда, одна и та же комната, до половины стены выкрашенная в синий цвет.

Два месяца назад одного сумасшедшего посадили в карцер под двором, так он расколотым шариком для игры в тиле распорол себе живот, наружу лезли кишки, а он с ними игрался. Говорили, что он был мясником и имел привычку к распоротым животам. А вот одному, который выцарапал себе глаз ногтями, пришлось связать руки за спиной. Он орал, и кровь запеклась у него на глазу. Но я знал: все под контролем у Инспектора.

Но не все здесь такие. Многие из них, если вылечатся, и их отпустят, будут несчастливы. Например, Согра-солтан из женского отделения; она сбегала два-три раза, но ее ловили. Она старуха, но лицо мажет мелом со стен, а цветы герани у нее вместо помады.

Себя она считает четырнадцатилетней девочкой, и если она излечится и поглядит в зеркало, то ее хватит удар; ее же наихудшей благодетелью было то, что она хотела перевернуть мир. Она считала, что женщины – источник несчастья мужчин, и для исправления мира все женские особи надо убить, а любовь достанется только ей, Согре-солтан.

Все они находились под надзором Инспектора. Это он скручивал руки за спиной всем сумасшедшим, это он, с большим носом и маленькими трусливыми глазками, всегда вышагивал в саду под соснами. Случалось, что он заглядывал под дерево. Все, кто его видел, говорили, мол, как этот безобидный несчастный человек одной рукой ловит

сумасшедших? Но я-то его знаю. Я знаю, что там, под тем деревом на земле – три капли крови. Напротив его окна висит клетка, клетка пуста, потому что его канарейку поймала кошка. Он оставил клетку, чтобы кошки приходили на запах, а он их убивал.

Вчера он прикончил черно-белую кошку: как только животное из-под сосны взобралось к нему на окно, он взял ее на прицел и выстрелил. Эти три капли крови – кровь кошки, но если кто его спрашивает, он говорит, что это кровь лесной совы.

Изо всех их самый странный мой приятель и сосед Аббас, двух недель не прошло, как его привезли. Со мной он быстро подружился, себя он считает предсказателем и поэтом. Он говорит, что любое призвание, а особенно предсказания, зависит от удачи и везения. Все, у кого высокий лоб, но за душою ничего нет, получают долю его внимания, но будь он хоть звездой эрудиции и образованности, а лба нет, он выпадает из аббасова мира. Аббас считает себя также искусным игроком на таре. Он натянул проволоку над кроватью, полагая, что изготовил тар, и теперь по восемь раз на дню напевает мне один и тот же стишок. Будто именно для этого его сюда и привезли. В этом странном стишке говорится:

«Увы! Но вот пришел и ужин,
И мир весь разом потемнел,
Все люди вдруг спокойны стали,
Кроме меня, что весь в печали...
Ничто на свете не излечит
Мою печаль, лишь только смерть.
А в уголке под той сосною
Три капли крови на песке».

Вчера мы прогуливались по саду. Аббас напевал все тот же стишок. К нему пришли женщина, мужчина и молодая девушка. Они уже в пятый раз к нему пришли. Я их видел раньше и узнал. Девушка в одной руке держала цветы. Она мне улыбнулась: было ясно, что я ей нравлюсь и на самом деле она пришла из-за меня. Оспины на лице Аббаса не украшали его, но женщина, когда говорила с доктором, увидела меня; Аббас привлек к себе девушку и поцеловал.

.....

До сих пор никто не приходил меня повидать и не приносил цветы, уже год как. Последний раз ко мне приходил Сиявош. Сиявош был моим лучшим другом. Мы с ним жили по соседству и каждый день вместе ходили в училище, вместе возвращались и вместе готовили задания. В часы досуга я учил Сиявоша играть на таре. Рохсаре, кузина Сиявоша, была моей нареченной невестой, она почти всегда приходила посидеть с нами. Сиявош подумывал жениться на сестре Рохсаре. Вдруг, за месяц до свадьбы, Сиявош заболел. Я два-три раза приходил справиться о его здоровье, но мне говорили, что доктор запретил с ним общаться. Сколько я ни старался, получал один и тот же ответ. Я больше не стал надоедать.

Хорошо помню, скоро уже было сдавать экзамены, однажды ближе к вечеру я вернулся домой, выложил свои учебники и брошюры на стол и, в тот момент, когда я пошел переодеться, я услышал звук выстрела. Звук был так близко, что я испугался, потому что дом наш был у оврага, и я слышал, что рядом с нами иногда грабили. Я достал револьвер из ящика стола и вышел во двор, прислушиваясь к звукам. Потом поднялся по лестнице на крышу, но ничего такого не увидел. Когда я возвращался, я бросил взгляд сверху во двор Сиявоша, и увидел, что он стоит в рубахе и кальсонах посреди него. Я с удивлением сказал:

«Сиявош, это ты?»

Он меня услышал и ответил:

«Иди сюда, у меня дома никого нет»

«Ты слышал выстрел?»

Он приложил палец к губам и махнул головой, чтобы я шел к нему. Я торопливо спустился вниз и постучал в дверь его дома. Он вышел сам, открыл мне дверь. С опущенной головой, уставившись в землю, он спросил:

«Ты почему ко мне не приходил?»

«Я два-три раза приходил спросить о твоём здоровье, но мне сказали, что доктор не разрешает».

«Они думают, что я заболел, но они ошибаются».

Я снова спросил:

«Ты слышал этот выстрел?»

Он не ответил, взял меня за руку, подвел к сосне и на что-то показал. Я присмотрелся и увидел на земле три свежих капли крови.

Потом он повел меня в свою комнату, закрывая все двери, усадил меня на стул, зажег свет и уселся на стул напротив меня, рядом со столом. Комната его была без изысков, стены были выкрашены до половины в синий цвет. В углу стоял тар. На столе валялись несколько учебников и брошюр. Потом Сиявош залез рукою в ящик стола, вынул револьвер и показал его мне. У этого старинного шестизарядника была перламутровая рукоятка. Он положил его в карман кальсон и сказал:

«У меня была кошка, ее звали Нази, ты ее, должно быть, видел: одна из тех обычных черно-белых кошек. У нее были огромные глаза, как будто подведенные сурьмой. На спине у нее был правильный узор, как будто кто-то разлил чернила стального цвета, а потом высушил их промокашкой. Днем, когда я возвращался с училища, Нази выбегала ко мне, мяукала и терлась об меня. Когда я садился, она взбиралась ко мне на плечи и своей мордочкой тыкалась мне в лицо, лизала мне лоб своим шершавым языком и всё хотела, чтобы я ее поцеловал. Говорят, что кошки более хитрые, добрые и чуткие, чем коты. Больше всех Нази ластилась к повару, потому что он давал ей еду, а от кос Сефидхане, которая всем управляла, читала намаз и не выносила кошачьей шерсти, бежала со всех ног. Очевидно, она думала, что люди попроворнее кошек, скупили всю вкусную еду и все теплые места, а кошки должны теперь им льстить и подхалимничать, чтобы составить им компанию».

Только в одном случае в Нази закипали ее природные инстинкты, это когда ей в лапы попадала окровавленная голова петуха, и тут она превращалась в хищного зверя. Глаза ее увеличивались и сверкали, вылезали когти, и всех, кто к ней подходил, она встречала угрожающим урчанием. Потом начинала играть. Силой ее воображения петушья голова превращалась в живого зверя, она била по ней лапой, шерсть вставала у нее дыбом, она пряталась в засаде, снова нападала и всю демонстрировала свою природную ловкость и проворство, то прыгала, то убегала, то дралась. Когда она уставала от представления, она с аппетитом съедала то, что осталось от петушьей головы, и через несколько минут выходила в сад. На час-два она становилась культурной тихой кошкой, подходила к кому-нибудь, ласкалась и подхалимничала.

В то время как Нази проявляла дружеские чувства, она была дикой, хитрой и скрытной. Наш дом она считала своей территорией, и если показывалась чужая кошка, особенно если это была самка, она встречала ее возмущенным фырканьем и протяжными воплями.

Голос, которым Нази требовала обед, отличался от голоса, которым она выражала удовольствие. Голодные вопли отличались от воплей в схватке, и уж тем более от урчания во время течки. И все эти звуки постоянно менялись: сначала это был мучительный вой, потом гневные вопли ненависти, потом печальное нытье от природной потребности найти себе самца. Но самым выразительным был взгляд Нази. Иногда он показывали человеческие чувства, так что человек непроизвольно себя спрашивал, что за мысли и чувства переливаются в этой мохнатой головке за этими таинственными зелеными глазами?

Это ужасное происшествие случилось весною прошлого года. Знаешь, что в это время у всех животных случается течка, и они начинают гулять, словно весенний ветер навевает сумасшествие страсти на всё, что движется. Нашей Нази любовное волнение ударило в голову впервые, и она стала метаться, дрожа всем телом, издавая скорбные вопли. Коты, услышав, как она вопит, собирались со всей округи. После возни и драк Нази выбрала одного из них себе в супруги, самого сильного, с самым громким голосом. Во время брачных игр у животных очень важен особый запах, который они издают. Для котов это нужно для того, чтобы перед избалованными опрятными неженками не обнаруживать свою настоящую сущность. Коты вышагивают по заборам, вороватые, худые, бездомные, голодные коты, шерсть которых пахнет этим природным запахом, и привлекают к себе

самок. День за днем и всю ночь Нази и ее самец громко воспевали свою любовь. Изящное тело Нази стало растрепанным, оба тела изгибались дугою и издавали радостные вопли. Все это продолжалось до самого рассвета. Потом Нази появлялась со взъерошенной шерстью, уставшая, измотанная, но счастливая.

Из-за походов Нази я не спал по ночам. Однажды я встал с места, посмотрел в окно. Увидел этих двух любовников, что вышагивали по саду. Этим самым револьвером, который ты видел, я прицелился с трех шагов. Я выстрелил, и пули попали в кавалера Нази. Его спина будто сломалась, он подпрыгнул и беззвучно, без стонов, бросился из галереи, упал подле стены сада и сдох.

Капли крови упали по всему его пути, как он бежал. Нази рванулась было за ним, но потом учуяла кровь и стала прямо рядом с головою трупа. Две ночи и два дня она сторожила тело. Иногда она трогала его лапой, как будто говорила ему: «Вставай, весна ведь. Почему ты спишь посреди времени брачных танцев? Почему не шевелишься? Вставай, вставай!» Нази не знала, что такое смерть, и она не понимала, что ее любимый мертв.

На следующий день Нази вместе с трупом ее самца исчезла. Где бы я ни искал ее, у кого бы ни спрашивал, все было напрасно. Рассердилась ли Нази на меня, а может быть умерла, а может быть отправилась за новой любовью, что еще могло произойти?

Однажды ночью я услышал урчание того самого кота, он выл до самого утра, на следующую ночь повторилось то же самое, но утром вой обрывался. На третью ночь я снова достал револьвер и выстрелил из окна в воздух в сторону той самой сосны. В темноте сверкнули его глаза, раздался протяжный вопль и оборвался. Утром под сосной я увидел три капли крови. С той ночи и по сей день, каждую ночь он приходит и воет. Другие спят крепким сном и ничего не слышат. Что бы я им ни говорил, они надо мною смеются. Но я-то знаю, я уверен, что это голос того кота, которого я убил. С той ночи и до сих пор сон не идет ко мне. Куда бы я ни шел, в какой бы комнате ни спал, всю ночь этот безжалостный кот издает своей глоткой зловещие вопли, призывая свою самку.

Сегодня, когда я остался один в доме, я подошел к тому самому месту, где каждую ночь появлялся и вопил кот, и прицелился, потому что по блеску его глаз в темноте я видел, куда целиться. Я выстрелил, услышал кошачий вопль и увидел три пролитые капли крови. Ты же сам своими глазами видел, ты же мой свидетель?

В этот момент открылась дверь в комнату, вошли Рохсаре и ее мать.

Рохсаре в одной руке держала цветы. Я встал, поздоровался, а Сиявош сказал с улыбкой:

«Без сомнения, ага Мирзу-Ахмад-хана вы знаете лучше, чем меня, нет нужды его представлять. Он подтвердит вам, что своими глазами видел три капли крови под сосной».

«Да, я видел».

А Сиявош подошел ко мне, захохотал и своей рукой из моего кармана достал револьвер, положил его на стол и сказал:

«Вы знаете про Мирзу-Ахмад-хана только то, что он хорошо играет на таре и хорошо читает стихи, но он еще и достойный охотник, очень хорошо стреляет».

Потом подал мне знак, я встал и сказал:

«Да, сегодня после обеда я пришел взять у Сиявоша кое-какие брошюры по учебе, развлечения ради пострелял по сосне, но эти три капли крови – это не кошка, это лесная сова. Знаете ли, эта сова проглотила три маленьких зернышка и каждую ночь так воет, что у нее из горла капнули три капли крови. Но может быть, это кошка слопала соседскую канарейку, и ее застрелили, но она убежала отсюда. А, подождите минутку, мне новый стишок на ум пришел», - я взял в руки тар и запел стишок:

«Увы! Но вот пришел и ужин,
И мир весь разом потемнел,
Все люди вдруг спокойны стали,
Кроме меня, что весь в печали...
Ничто на свете не излечит
Мою печаль, лишь только смерть.
А в уголке под той сосною

Три капли крови на песке».

Как только я закончил, мать Рохсаре с возмущением покинула комнату. Рохсаре подняла брови и сказала: «Да он сумасшедший!»

Потом взяла Сиявоша за руку, и оба, захохотав, вышли в дверь и закрыли ее за собой.

Когда они вышли во двор, под фонарем, я увидел из окна, как они обнялись и поцеловались.

(с) перевод с персидского яз. В.Ю.Сковородников, 2016